АННА ГАВРИЛЕНКО

Гришанина гармонь

В одном небольшом алтайском селе жила-была девка по имени Нюрка. Ну, жила себе и жила, как подсолнушек у дорожки - в меру красивая, в меру весёлая. Ну, казалось бы, как все. Да вот не как все! Уж больно Нюрка песни выводить любила. Ещё девчонкой, бывало, как запоёт – сердце захолонывается. Даже современные песни пела как народные.

Когда Нюрка подросла, и было ей годочков тринадцать, услышала она песню по динамику «У церкви стояла карета». Да так прикипела к ней эта песня, так прилипла, ну ровно осенний листок к мокрому от дождя стеклу.

Любила Нюрка... Всю свою сознательную жизнь, с самого детства, соседа своего – Гришаню. А может и не его самого, а гармонь, которая в его руках песни выводила так, что бледнели конопушки на её вечно обгорелом курносом носике.

Однажды, когда бугорки под платьем проявляться стали, подозвал её Гришаня к себе на крыльцо и говорит:

– Нюрка, хочешь на гармошке играть научиться?

– Ой, дядь Гриша, да никода я не осилю энту науку!

– Да куды ты денисся - осилишь, - возразил Гришаня, грустно улыбнувшись. И продолжил:

– Ты, Нюрка, песни поёшь хорошо. Значит и пальцы у тебя должны быть певучие. Понимаешь, гармошка – это такая странная штука... Вот ежели нужную кнопочку, да в нужном месте для песни сыграшь, дык и песня твоя сладится. А не попадешь на неё – песню испортишь. Поняла?

– Ой, дядь Гриш, поняла. Чё тут не понять-то?

– Ну, бери гармонь.

Она присела на широкую ступеньку крыльца, поправила платье, натянув подол на острые коленки, и поставила гармошку так, как делал Григорий...

– Нажимай на самую нижнюю кнопочку в среднем рядке. Слышь, как она поёт? Весело или грустно?

– Весело, весело!

Держит Нюрка гармонь, а она ажно из рук у неё выпрыгивает (девчонка разволновалась, видать, от этого и руки затряслись).

– Да не волнуйся ты, - сказал Гришаня. А сам внезапно вспомнил, как первый раз взял гармошку у соседа Фёдора. Ох, и гармонист был – от Бога! Вспомнил, как плясала гармонь у него самого в руках, когда он ещё и не нажимал эти волшебные кнопочки. Волновался, аж со лба пот градом, и руки были мокрые, точно только что их водой облил!! И понял, что будет Нюрка музыкантом! Будет! Да еще каким!

– Ну, давай смотри, - продолжал объяснять он дальше. – Видишь, ежли ещё на ту, что выше, кнопочку надавишь другим пальцем, она подпоёт нижней – тоже весёленькая, чуешь? Сыграйка их обе два раза по очереди. А теперя прыгай через них на следующие две выше. И так же сыграй как и первую парочку два раза. А теперя ещё выше на следующие две кнопочки сигани, да сыграй так же. Нырни под них на средние, нажимай, нажимай опять по два раза. И сызнова всё начинай с нижних. Чуешь, как частушки получаются? Ну-ка, ну-ка, сыграй сама все сподряд два раза.

И Нюрка, быстро сообразив, заиграла:

Тына-тына, тына-тына,
Тына-тына, ты-на-на.

Сыграла и не поверила: неужто это она?

– Ну вот, видишь – ничего страшного. Молодец! – подбодрил её Гришаня. И продолжал, подождав, когда Нюрка наиграет простые переборы:

– Ну, а теперя смотри. Я вот слушаю, как ты песню одну выводишь – про карету, что у церкви стояла. Я тоже люблю эту песню играть. Поди слышала?

Вспыхнувшие щеки Нюрки выдали без слов её тайну – слышала. Не одну минуточку просидела она под забором, слушая его игру. И песни свои старалась выводить погромче, чтобы до Гришани дошли.

– Ты поешь, а я тебе подыгрываю. Жалистная такая песня, ажно слезу выбиват. Ну, так вот, чтобы эту песню под гармошку спеть, тебе для начала нужно на три кнопочки нажать - только и всего! Не веришь? Я тебе сейчас покажу на какие, а ты их нажимай, но не бей по ним, а меха тяни, да пой. Не боись, я буду показывать, куды нажимать. Глядишь, гармонь и послушается нас двоих, а то мы её...

И он рассмеялся молодо, озорно. Нюрка тоже рассмеялась, а сама аж замерла у рук Гришани. Коротко вздохнула. Лицо её стало задумчивым и взрослым. И, нажав на кнопочку, на которую указал Гришаня, запела, а вернее - запричитала по-бабьи, то протягивая слова, то резко их обрывая:

У церкви стояла карета-а-а,
Там пы-ы-шная свадьба была-а-а,
Все гости наря-я-я-дно оде-е-ты
Невеста всех краше была...

Подняла Нюрка глаза свои от клавиш и увидела слёзы в серых глазах Гришани. И так посмотрели эти глаза в её душу, что поняла эта белобрысая девчонка, что он любит – её Гришаня любит! (А может не её самое, а песню её-шную – такую своеобразную, простую, задушевную?..)

На том они и расстались. Как-то больше не удалось встретиться за гармошкой. То ли Гришаня вовремя понял, что ежели и дальше будет давать уроки игры Нюрке, то разладится жизня его с женой Веркой и осиротеют дочки-близняшки. Наверное, понял. Да скорее всего так оно и было.

Время летело несчитанными закатами, а урок этот единственный Нюрка каждую минуточку помнила. Замуж вышла за Юрку – озорника, частушечника и лоботряса. Родился у них сынок, которого прямо в роддоме Гришаней и назвали. Верка-соседка ажно взорвалась (ревновать что ли удумала?).

– Ишь, Гриша-а-а-ня. Это в честь кого же?

Нюрка беззлобно отбрехивалась через забор, развешивая пелёнки:

– Да один он, твой Григорий, на свете живёт чё ли? Вон и по истории Григорий Распутин есть, и этот...Побёдоносец тоже, и...

– Ой, глядит-ка, Победоносец! Бедоносец он – сирота при живом отце!

– Зато тебе повезло. Гришка прилепился на всю жизнь – не отдёрнешь!

– А, попробуй, ай, схлопочешь!

– Захотела бы – увела...

Нюрка резко повернулась, и не желая выдать своих чувств, начала греметь вёдрами у бочки.

Как раз перед тем, как маленькому Гришаньке в школу идти, Григорий-гармонист заболел. Замолчала гармонь. Увезли его в районную больницу, где он и умер от страшной болезни. Перед смертью вдруг вошёл в сознание и чистую бумагу с ручкой попросил. Что-то написал и шепнул, чтобы в одежу положили, ну, чтобы случаем не затерялась записка. Когда его стали одевать, чтоб домой везти, она и выпала из кармана. И Верка машинально её в свой карман переложила. Она только дома о ней спохватилась, прочитала её и окаменела. Да лучше бы и не читала... А наказывал ей Григорий, что, ежели что с ним приключится, то пусть Верка не поминает лихом и простит – она знает за что. А поскольку ни ей, ни дочкам Бог не дал таланту, то гармонь его пусть подарит соседке Нюрке да сыночку её Гришане. И вспомнилось Верке, что мальчонку учил как-то Григорий гармошку держать. Так тот вцепился в неё, как будто век умел играть.

– Будет гармонистом, – обрадовался Григорий, – есть кому в деревне гармонь передать.

Про записку Верка никому не сказала. А когда исполнилось девять дён, пришла она к Нюрке после поминок. Робко постучала в двери. Зашла тихая такая – сама не своя. Прошла в комнату и вдруг заголосила да закричала громко, надрывно. Нюрка ажно отшатнулась от неожиданности, а Гришаня в подол её вцепился, глаза свои черные на Верку вылупил и тоже заревел.

– Ой, да разродимый ты мой Гришанечка! Ой, да не наслушалась я песен твои-и-их. Ой, да милая моя гармошечка, да не заиграшь ты боле в его рученьках. Да не одну-то я с тебя пылиночку стер-ла-а...

Потом занесла с сенок маленький коричневый чемоданчик, достала из него гармонь, посмотрела мокрыми глазами в испуганные, удивленные Нюркины и сказала с надрывом:

– Вот. Теперя она ваша. Бери-бери, Гриша велел.

Она резко отвернулась, шагнула, так же резко повернулась и как приговорила:

– Сама играй. А не будешь – Гришаню научи. Гриша сказывал, есть у малого кураж – будет гармонистом.

Оторопев, Нюрка проводила соседку взглядом через окно. А Верка пробежала по двору, да не калитке, а к забору, где испокон веков дырка была, пролезла в свой, плюхнулась на лежащее в лебеде бревно и завыла надсадно, тягуче... Нюркино сердце вздрогнуло. Поняла она – Верка знала, что Гришаня её любил! И что с его гармошкой ушла – так и Гришанина любовь с её двора... Хоть после смерти, да ушел её Гришаня - прилип своей гармошкой к Нюркиным песням.

И опять бежали деньки, да только уже считанные. Вот уже и сорок дён исполнилось, как не стало соседа. В этот день Нюрка надела всё чистое. В большую сумку поставила гармонь и после обеда, ближе к вечеру, куда-то пошла со двора. Вроде как козу припасать. Не так давно она козу купила, да такую горластую, что хоть со двора беги. Как песню или музыку услышит, так голосить начинат почём зря! Нюрка даже частушку про нее сочинила:

У меня коза поёт,
Как Надежда Бабкина.
Заиграю – запоёт,
И не надо мне кина!

Ну так вот. Взяла она за веревку Надьку свою и направилась в сторону кладбища, его отнесли подальше от жилья – чего ж хорошего в соседях с покойниками-то жить. Шла не оглядываясь. Да и кому было докладать, куда и зачем идёт. Гришаня в школе, Юрка в очередном загуле – сама себе хозяйка. Куда пришла? Думаешь, не козу пасти? На могилки-то и пришла. У ворот, возле травки, козу привязала, оглянулась и быстрёхонько по наторённой дорожке вышла к могиле матери – та, почитай, уж три года как преставилась, земля ей пухом. Села на лавочку, пыль со стола стряхнула, достала гармошку, на стол поставила и заговорила:

– Здравствуй, маманя ты моя родненькая. Я к тебе сёдня с радостью пришла – мне Гришаня свою гармошку подарил. Вот она, красавица. Ремешки токо потерлись, а так – ни одной царапинки. Да чего это я разболталась – ты же теперя уже про это знашь – сёдня сорок дён, как Гришаня там с вами. Поди уже все рассказал. Верка на девять дён её мне принесла – говорит, что он сам велел отдать гармошку мне или внучонку твоему. Эва как! То дык соли не выпросишь, а то дык... Да Бог с ней, Веркой. Так вот, мамань, я потихоньку учуся на ей играть, и ты знашь – получаться стало! Счас я тебе малехо сыграю...

Нюрка бережно поставила гармонь на коленки, уже привычно накинула на плечо ремень и, продолжая говорить, обняла её обеими руками, как самое дорогое на свете:

– Давным-давно, кажется аж сто лет назад, когда я ещё пацанкой была, ты ушла на базар морковку продавать – помнишь, смеху – то было, когда я вместо чернушки ещё две грядки морковки разбросала. В ту осень её уродилось стоко, что на весь колхоз бы хватило! Токо ушла ты с тачкой со двора, позвал меня Гришаня к себе на крыльцо и давай объяснять, как на гармошке играть. Ежли, говорит, ты вот на эти кнопочки весело надавишь - частушку заиграшь, а ежели их печальные протянешь, то и песня у тебя другая будет. Ой, маманя, скоко лет прошло, а я кажное его словечко помню. И вот все думаю: жизня наша – что гришанина гармонь. Ежли нужный годок заметишь и нужный денёк не пропустишь, сыграшь его, как надоть, то и песня сладится жизненная, а ежели вдруг ошибёсся, ни на ту кнопочку нажмешь, да тот денёчек проскочишь, не заметишь, то и жизня кувырком... У меня вишь как: под левой рукой песня ладится, под правой рукой – тожа, а вместе - ну никак не сыгрывается! Ну в точности как с Юркой. Вот и жизня моя то веселая, то грустная, то кувырком, то бёгом, то течет медленно, как наша речка Поперечка, а то ревёт, как Надька моя, блажным голосом. Да это я так, к слову. А хочу я тебя сёдня, мамань, повеселить.

Нюрка привстала, внимательно осмотрелась, потом села поудобнее, отыскала глазами нужные кнопочки, поставила на них свои тонкие пальцы с заусеницами, нажала на первую и – запела надрывно и протяжно, как умела только она:

Когда ей священник на палец
Надел золотое кольцо,
Из глаз ее го-о-о-рькие слезы...

Нюрка выводила, а по щекам её тоже ручьём бежали слёзы. Она вдруг заметила, что заиграла песню, как настоящий гармонист, двумя руками сразу! Как это получилось, она так и не поняла – может, Гришаня помог?

Вскочила радостная, воровато оглянулась – не слышит ли её кто?– Потом разнесут, что Нюрка с головой не дружит, и прослывет она Нюрочкой – дурочкой. Быстренько убрала гармошку в сумку, вытерла слёзы, поклонилась низко могилке и прошептала, всхлипывая:

– Прощевай, мамань. В другой раз подольше посижу, а сёдня пойду ещё Гришаню попроведываю, расскажу, как гармонь его берегу.

И тихонько пошла мимо могил, застёгивая на ходу замок на сумке.

Вдалеке надрывалась коза Надька – услышала, таки, треклятая, Гришанину гармонь. Тихая улыбка освещала ставшее внезапно таким красивым лицо Нюрки. Да, видно на нужные кнопочки нажала она сегодня на Гришаниной гармошке, самой звонкой гармошке в округе, название которой – Жизнь.

АННА ПЫРСИКОВА

Ночные фантазии

Ночь меня позвала
на прогулку,
Постучав звездной тростью
в окно.
С ней шагаем мы
по переулку,
Мир вокруг крепко спит -
и давно.

Лунной пылью окутаны дали,
И качается маятник снов,
От мороза деревья устали,
Видно, ждут от меня
теплых слов.

Не нарушу ночного покоя,
Не стряхну серебристой
фаты.
Тайн январских дыханье
густое
Вдруг окутало миг красоты.

...Я тону в этом мареве
зыбком,
Растворяясь в пространстве
ночном.
И луны одинокой улыбка
Душу греет волшебным
теплом.

2001 год

Учусь любить...

Учусь любить саму себя,
Чтобы познать любовь
другого,
И чтоб единственное слово
Произносить потом - любя.

Как плохо удается мне
Любить в себе свои
пороки...
А, может, не настали сроки,
Душа еще в холодной тьме?

О, луч надежды, брызни
вмиг,
Прозренье дай душе
несмелой,
Пускай потрудится для дела
Твой бестолковый ученик.

Однажды надо посмотреть
Мне на себя глазами Бога,
Свои грехи - пусть их
немного -
Суметь потом преодолеть.

Учусь любить саму себя...
Какая трудная задача!
Душа, от боли тихо плача,
В свой мир востребует тебя!

2000 год

В ритме японской танки

* * *

Лепесток зари
Опустился на воду.
Поплыли круги
По тихой водной глади -
Утро открыло глаза.

* * *

Добрые руки
Помню я мамы своей.
Мама сама я,
Но руки твои нужны,
Чтоб беду отвести.

* * *

Разбушевалась
Метель за окном в ночи.
Плачут снежинки,
Касаясь стекла щекой,
А в доме моем тепло!

* * *

Музыку слышу -
Скрипки печально поют!
На закате дня
Небо пылает огнем -
Завтра погоды не жди.